

ТРУДЫ ЧЛЕНОВЪ
РОССІЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ

ВЪ ПЕКИНѢ.

ТОМЪ IV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
Вас. Остр., 8 линия, No. 45.

1866.

74243

О МАГОМЕТАНАХЪ ВЪ КИТАѢ.

Магометане, населяющіе въ значительномъ количествѣ внутренній Китай, носятъ у Китайцевъ, подобно ихъ едино-вѣрцамъ въ Туркестанѣ, названіе *Хой хой*, или по просту *Хой цзы*; вѣру ихъ называютъ *Хой цзяо* и *Цзъ цзяо*, «вѣрою запрещенія», вслѣдствіе запрещенія у Мусульманъ вина и свинины.

Первоначально названіе *Хой хой* прилагается было собственно къ народу Уйгуровъ, съ которымъ Китай издавна имѣлъ частыя сношенія; въ послѣдствіи, потому ли что первые и главные представители Ислама были изъ Уйгуровъ, или по привычкѣ Китайцевъ подводить чужеземцевъ подъ нарицательныя категоріи, они стали обозначать, подъ именемъ *Хой хой*, всѣхъ выходцевъ изъ запада, исповѣдывавшихъ магометанскую вѣру, безъ различія народа и племени. Это обобщеніе окончательно утвердилось съ воцареніемъ въ Китаѣ династіи *Мингъ*, въ XV столѣтіи.

Китайскіе писатели, благодаря неопредѣленности названія *Хой хой* и невѣдѣнію исторіи отдаленнаго запада, относятъ появленіе магометанской религіи въ Китаѣ къ концу VI вѣка по Р. Х. Китайскіе Магометане не преминули воспользоваться этой ошибкой; одинъ изъ писателей ихъ, въ пространной

біографіи Магомета на китайскомъ языкѣ, подъ годомъ 587 упоминаеть о посольствѣ отъ китайскаго государя въ Аравію, къ Магомету, съ приглашеніемъ его въ Китай; Магометъ отказался и вмѣсто себя послалъ свой портретъ; однакожь изображеніе его, въ послѣдствіи исчезло съ полотна, чтобы не подать повода къ обожанію его. Потомъ, въ городѣ *Си анъ фу*, старинной столицѣ Китая, гдѣ найденъ памятникъ Христіанства временъ династіи *Танъ*, открытъ также и памятникъ Магометанства въ Китаѣ, воздвигнутый будто бы въ 742 г. Въ этомъ памятникѣ между прочимъ сказано, что вѣбра Мухаммеда вошла въ Поднебесную Имперію и распространилась въ ней при династіи *Суй*, въ правленіе *Кай хуанъ*, т. е. между 581 и 600 годами. Наконецъ, между китайскими Магометанами ходитъ небольшое сочиненіе о началѣ Магометанства въ Китаѣ; въ немъ рассказывается, что въ 628 г. китайскій государь отправилъ посольство въ магометанскія страны (вариантъ: въ Самаркандъ), которое привело съ собой въ Китай одного ученаго чалмоносца, въ сопровожденіи 3000 *Хой хой*; эти три тысячи Магометанъ, будто бы, и положили основаніе магометанскому населенію въ Китаѣ.

Всѣ эти сказанія, исполненыя анахронизмовъ, объясняются притязаніями китайскихъ Магометанъ на древность ихъ религіи въ Китаѣ. Имъ казалось предосудительнымъ молчаніе исторіи дома *Танъ* объ ихъ вѣрѣ, когда она упоминаеть о существованіи въ то время въ Китаѣ другихъ религій: Христіанства, Маздеизма и Манихеизма, и они рѣшились воспол-

нить этотъ пробѣлъ. Правда, что при сношеніяхъ династій *Суй* и *Танъ* съ западомъ, въ Китаѣ въ то время было много купцовъ и астрономовъ изъ тѣхъ странъ, которыми въ послѣдствіи возобладалъ Исламизмъ; но изъ того еще не слѣдуетъ, чтобы эти выходцы внесли съ собой религію Магомета, которая еще не сложилась въ ту пору, или не распространилась на востокъ.

Первое знакомство Китайцевъ съ Магометанствомъ надобно полагать во времена династіи *Сунъ*, съ половины X-го вѣка, когда Магометане стали имѣть торговыя связи съ Китаемъ Южнымъ моремъ. Можно также, съ нѣкоторою вѣроятностію, допустить рассказъ Магометанъ, что въ половинѣ XI столѣтія въ Китаѣ появился потомокъ Магомета, въ лицѣ бухарскаго владѣтеля *Сифэйръ*; онъ переселился сюда со всѣми родичами своими, избѣгая будто бы смуть, царствовавшихъ въ Мавареннагрѣ. Къ этому можно еще присоединить, что въ XII вѣкѣ, на службѣ господствовавшего въ сѣверномъ Китаѣ дома Гиньцевъ, состоялъ огнестрѣльный полкъ изъ *Хой хой*, вѣроятно изъ Персовъ и можетъ быть магометанской вѣры.

Наконецъ, когда завоеванія Чингисхана открыли широкій путь, чрезъ Среднюю Азію, между востокомъ и западомъ, вслѣдъ за завоевателями двинулись во вновь открытую страну, въ Китай, изъ Сиріи, Ирана, Мавареннагра и Уйгуріи, Арабы, Персы, Тачжики и Уйгуры, съ семействами и цѣлыми родами, въ качествѣ военноплѣнныхъ, добровольныхъ переселенцевъ, ученыхъ, ремесленниковъ и торговыхъ людей. Многіе

изъ нихъ, люди болѣе или менѣе образованные, пользовались важными правами и особеннымъ вниманіемъ монгольскихъ хановъ, занимали высшія должности въ правительствѣ, назначаемы были воеводами, губернаторами городовъ и правителями провинцій Китая. При тѣхъ преимуществахъ, которыя даруемы были имъ надъ жителями богатой Срединной Имперіи, они не думали болѣе о возвратѣ на свою родину и оставались въ Китаѣ на всю жизнь. Изъ этихъ-то разноплеменныхъ переселенцевъ магометанскаго исповѣданія образовалась главная масса китайскихъ Магометанъ. Благодаря семейному преемству и выгодамъ промышленности и торговли, они укоренились на китайской почвѣ и сохранили свой особенный характеръ до сихъ поръ, тогда какъ представители другихъ религій и націй, *Бликуны* (Христиане-несторіане), *Чжухудъ* (Юдеи), *Боланги* (Франки), *Доми* (Дури, Цыгане), и др., давно уже исчезли, или, какъ Юдеи, исчезаютъ.

Паденіе дома Чингинханидовъ въ Китаѣ и замѣна ихъ національною китайскою династіею не обрушились остракизмомъ на Магометанъ; они удѣляли. Новый политическій порядокъ имѣлъ огромное вліяніе на внутреннюю организацію ихъ общества. Уже не пользуясь прежнимъ вліяніемъ, замкнутые въ странѣ, гдѣ на чужеземцевъ смотрѣли не дружелюбно, и гдѣ все, начиная съ кумировъ до всеобщаго употребленія свинины и вина, было противно духу исламизма, Магометане имѣли время тѣснѣе сблизиться между собою, потеряли особенности разноплеменнаго происхожденія и образовали замѣ-

чательный народъ или общину людей, безъ національнаго единства, но твердо связанныхъ узами религіи. Такими они являются въ эпоху новаго переворота въ Китаѣ, въ половинѣ XVII столѣтія, кончившагося воцареніемъ въ Китаѣ Манчжурскаго дома, — являются отдѣльнымъ цѣльнымъ племенемъ, глубоко сознающимъ себя и по духу совершенно независимымъ, среди языческаго населенія края.

Здѣсь встаетъ замѣтить, до какой степени неточно называютъ китайскихъ Магометанъ Татарами, какъ будто Магометане суть не что иное, какъ Татары. Послѣдніе составляютъ вѣтвь тюркскаго племени и не имѣютъ ничего общаго съ китайскими Магометанами, ни по происхожденію, ни по языку. Если, въ прежнія времена и могла быть примѣсь къ нимъ тюркскаго племени, то она поглощена массою магометанскаго населенія въ Китаѣ и не оставила послѣ себя слѣдовъ. Ошибочно также смѣшивать въ одинъ народъ китайскихъ Магометанъ и населеніе подвластнаго Китаю Туркестана, который самымъ названіемъ своимъ указываетъ на этнографическую особенность его жителей. Единственные представители Татаръ находятся въ Пекинѣ; это небольшая колонія Яркендцевъ, переселенная сюда въ прошедшемъ столѣтіи. Они живутъ отдѣльно и не смѣшиваются съ китайскими Магометанами. Послѣдніе называютъ этихъ Туркестанцевъ Чернокостыми, оставляя за собою наименованіе Бѣлокостныхъ т. е. благородныхъ.

Съ начала нынѣшней династіи китайскіе Магометане

впервые, сколько известно, заявили себя какъ слѣдовало потомкамъ воинственныхъ и ученыхъ предковъ, оружіемъ и кистью (перомъ).

Одинъ изъ послѣднихъ князей дома *Мингъ*, спасаясь отъ оружія Маньчжуровъ, бѣжалъ въ сѣверо-западную часть Китая, гдѣ болѣе всего густо магометанское населеніе. Магометане приняли его сторону и произвели возмущеніе, или участвовали въ немъ (сказанія не ясны); однакожь оно было скоро усмирено.

Маньчжурское правительство не замедлило понять, что не легко управиться съ фанатическимъ племенемъ; поэтому оно постоянно отличалось терпимостію по отношенію къ Магометанамъ. Много разъ государи отвергали неблагоприятныя проэкты сановниковъ о закрытіи мечетей, запрещеніи печатанія магометанскихъ книгъ и включеніи магометанской вѣры въ разрядъ сектъ, воспрещенныхъ законами, и даже наказывали составителей подобныхъ проэктовъ. Они желали бы сгладить отличительныя черты этого чужеземнаго населенія и совершенно слить его съ китайскимъ, дабы тѣмъ предотвратить безпорядки отъ беспокойнаго племени. Однакожь китайскіе мандарины не понимали важности такой политики и часто позволяли себѣ произволъ по отношенію къ Магометанамъ. Здѣсь я коснусь событія 80-хъ годовъ прошедшаго столѣтія; оно причинило китайскому правительству много хлопотъ и Магометанамъ ущербъ.

Въ сѣверо-западномъ углу внутренняго Китая, рядомъ съ

первобытными обитателями края, полудикими Тангутами, обитаетъ магометанская колонія Уйгуровъ (изъ Хамила), по мѣсту жительства называемая Саларь, а по жилищамъ Черноюртною. Со времени монгольскаго владычества, Саларцы имѣли свое управленіе въ лицѣ наслѣдственнаго тысящника. По вѣрѣ и религіознымъ обычаямъ они близки болѣе къ китайскимъ Магометанамъ, чѣмъ къ Туркестанцамъ и если сохранили нѣкоторыя особенности въ этомъ отношеніи, то это произошло отъ разобщеннаго положенія ихъ. Раздѣлялись они на 12 *уновъ* (кочевьевъ или родовъ, не известно), изъ коихъ въ каждомъ былъ особый глава духовный; кромѣ того былъ надъ всѣми высшій, особый глава вѣры. Разъ появился между ними нѣкто *Мамингъ синь*, принесшій съ запада нѣкоторыя нововведенія касательно чтенія и можетъ быть истолкованія алкорана. Послѣдователи его одѣвались въ бѣлое платье. «Китайскіе ахуны (муллы), доносили послѣ главнокомандующій *А гуй*, читаютъ свои священныя книги тихо и спокойно; «*Мамингъ синь* хотѣлъ ввести чтеніе громкое, съ помаваніемъ «головой и подпрыгиваніемъ, какъ читаютъ ихъ въ Туркестанѣ.» Различіе это повело приверженцевъ той и другой стороны къ ссорамъ и дракамъ. Тогда ближайшія маньчжурскія власти вмѣшались въ споръ, приняли сторону защитниковъ прежняго порядка, и не думая долго, схватили *Мамингъ синя* и заключили его въ тюрьму. Раздраженные этимъ, приверженцы его, съ яростію напали на своихъ противниковъ, многихъ убили и отправились освобождать своего главу; встрѣтивъ на пути от-

рядъ солдатъ, они перерѣзали ихъ; потомъ напали на ближайшій городъ (*Хэ чжоу*), вырѣзали его гарнизонъ, запапались порохомъ и двинулись на *Лань чжоу* (въ *Гань су*). Пекинскій дворъ сильно встревожился извѣстіемъ объ этомъ возмущеніи; онъ боялся за сѣверозападную часть Китая, гдѣ населеніе Магометанъ многочисленно. На мѣсто смуть командированъ былъ знаменитый въ свое время *А гуй*; приказано было отправить туда войска изъ столицы, изъ смежныхъ съ *Ганьсу* губерній, изъ *Алашани* и даже изъ *Урумци*. Дѣло однакожь обошлось безъ важныхъ потрясеній въ краѣ. Глава возмущившихся, ученикъ *Маминъ синя*, съ горстію единомышленныхъ фанатиковъ (ихъ было не болѣе тысячи человекъ), укрѣпился въ одной кумирнѣ на скалистомъ берегу Желтой Рѣки. *А гуй*, съ своей арміей, цѣлый мѣсяцъ осаждалъ кумирню. Нельзя, безъ глубокаго чувства, читать описаніе отчаянной борьбы осажденныхъ и ужасовъ голода и жажды, изнуравшихъ ихъ силы; ничто не могло склонить ихъ къ сдачѣ, почти всѣ они погибли въ бою, въ чаяніи блаженства, которое обѣщала имъ вождь по смерти.

Послѣдствія возмущенія Саларцевъ отозвались на всемъ китайскомъ Магометанствѣ. Правительство воспретило, на будущее время, путешествіе Магометанъ за западную границу съ религіозною цѣлію, допускъ заграничныхъ муллъ въ Китай и построеніе новыхъ мечетей; въ мечетяхъ не дозволено держать пришлыхъ; не дозволено также имъ имѣть общихъ духовныхъ главъ.

Съ тѣхъ поръ китайскіе Магометане долго оставались въ покоѣ; возстанія Туркестанцевъ не производили между ними никакого гласнаго движенія. Наконецъ, въ послѣдніе годы, они снова выступили на сцену; причиняемые ими смуты продолжаются нѣсколько лѣтъ сряду. Главною причиною этихъ возмущеній, обыкновенно поставляютъ притѣсненія и обиды, какія терпятъ Магометане отъ китайскихъ чиновниковъ. Пекинскіе Магометане съ негодованіемъ рассказываютъ тѣмъ примѣры, возмутительные для ихъ религіознаго чувства; мѣстные правители въ провинціяхъ придумываютъ разныя мѣры, въ видахъ незаконнаго побора съ Магометанъ; нѣкоторые изъ нихъ устроивали въ магометанскихъ селеніяхъ общественныя угощенія; въ которыхъ употребляема была свинина, и предлагали одно изъ двухъ: или вкусить запрещенной ихъ закономъ пици, или откупиться отъ этого деньгами. Магометане, вообще отличающіеся характеромъ беспокойнымъ, легко принимаютъ къ сердцу подобныя оскорбленія и скоро переходятъ отъ словъ къ дѣлу. Конечно, если бы законы въ Китаѣ были на столько дѣйствительны, что могли оградить гражданскія права и неприкосновенность религіи Магометанъ, то они могли бы быть болѣе или менѣе мирными подданными маньчжурскаго дома. Однакожь, въ послѣднемъ движеніи ихъ нельзя признавать только обнаруженія чувства ненависти и мести; несомнѣнно тайное поджигательство китайскихъ инсургентовъ, которые хотѣли бы перенести поприще дѣйствія на западъ, дальше отъ вмѣшательства Европейцевъ, и употребить въ дѣло

магометанское население, какъ орудіе для осуществленія своихъ замысловъ. Вслѣдъ за возмущеніемъ китайскихъ Магометанъ, возстали и единовѣрцы ихъ въ Туркестанѣ. Первые начали съ того что хотѣли укрѣпиться въ крѣпости *Дунъ гуань*, стратегическомъ пунктѣ, который служить воротами изъ внутреннихъ провинцій Китая въ западныя, но были вытѣснены изъ этой позиціи; теперь, по видимому, всѣ силы ихъ сосредоточились въ *Ганъ су*, гдѣ поднялись также Магометане *Солэ*, вѣроятно тѣ же Саларцы, о которыхъ сказано было выше. Судя по беспощадной ярости, съ которою магометанскіе инсургенты совершаютъ дѣло опустошенія и убійства, можно думать, что въ возстаніи ихъ нѣтъ другой цѣли, кромѣ изувѣрнаго Джихада. Сами по себѣ и для себя, они не въ состояніи достигнуть важныхъ политическихъ результатовъ, потому что не могутъ надѣяться на сочувствіе и опору въ китайскомъ народонаселеніи; но для страны они причиняютъ новое бѣдствіе, а для маньчжурскаго правительства, безъ того уже удрученнаго затрудненіями всякаго рода, новые страхи и опасенія.

Я сказалъ выше, что съ воцареніемъ Маньчжуровъ въ Китаѣ, китайскіе Магометане заявили себя также и по книжной части; это время можно считать эпохою возрожденія ихъ письменности; до тѣхъ поръ они не производили на свѣтъ, въ Китаѣ, опытовъ своей учености, кромѣ немногихъ переводныхъ сочиненій астрологическаго и медицинскаго содержанія; съ половины XVII вѣка, они положили основаніе самобытной

литературѣ, на языкѣ обитаемой ими страны, съ двойною цѣлю: вопервыхъ, чтобъ уяснить для своихъ единовѣрцевъ догматы и преданія Исламизма, а съ другой стороны, чтобы огранить свою религію отъ нападений и насмѣшекъ Китайцевъ, и даже показать превосходство ея надъ существующими въ Китаѣ религіозными ученіями. Замѣчательно, что появленіе сочиненій ихъ въ Китаѣ совпадаетъ съ первыми письменными опытами европейскихъ вѣропроповѣдниковъ. Тѣ и другіе одновременно ухватились за Конфуціанизмъ, господствующую здѣсь школу, по одинаковымъ причинамъ. Позитивизмъ Конфуціанцевъ, пренебрегающій областью спиритуализма, довольствуется въ семъ отношеніи уцѣлѣвшими отъ древности отрывками религіозныхъ воззрѣній, часто малопонятными и противорѣчными, и оставляетъ широкое поле для построенія любой системы; магометанскіе писатели сравниваютъ конфуціанское ученіе съ готовымъ матеріаломъ, изъ котораго можно построить капище или мечеть. Они приняли также за правило, что въ такой странѣ какъ Китай, самое лучшее средство дѣйствовать письменностію и соглашеніемъ своихъ идей съ общепринятыми нравственными началами ученыхъ Китайцевъ. Эти взгляды были усвоены и Иезуитами.

Первое магометанское сочиненіе въ Китаѣ, сколько мнѣ извѣстно, появилось въ 1642 году (авторъ *Ванъ-дай-юй*); въ немъ нѣтъ ничего оригинально-магометанскаго; все приспособлено къ нравственному ученію Конфуціанства, какъ будто то и другое ученіе основано на однихъ и тѣхъ же началахъ. Съ

счастливой руки *Ванъ-дай-юя*, начался рядъ китайско-магометанскихъ произведеній, не прекращающійся и донинѣ. Излагать разнообразное содержаніе ихъ, даже въ общихъ чертахъ, здѣсь было бы неумѣстно. Ограничусь указаніемъ на болѣе или менѣе замѣчательныхъ авторовъ.

Мачжи, по имени Юсуфъ, родомъ изъ *Юнь нани*, въ концѣ XVII столѣтія, написалъ книгу, подъ названіемъ «*Комтасъ магометанской вѣры*», состоящую болѣе чѣмъ изъ 1700 страницъ; въ ней собраны разныя статьи по магометанской вѣрѣ, начиная отъ высреннихъ умозрѣній до самыхъ мелкихъ преданій Исламизма. Писалъ онъ съ цѣлію представить свой трудъ императору *Канъ си*, такъ какъ онъ слышалъ, что этотъ Богдоханъ, во время своего путешествія по Китаю, заходилъ въ одну мечеть и интересовался содержаніемъ замѣченныхъ имъ тамъ арабско-персидскихъ оригиналовъ. Юсуфъ, по этимъ извѣстіямъ, отправился въ Пекинъ и здѣсь кончилъ свое сочиненіе, которому, по его словамъ, посвятилъ 35 лѣтъ своей жизни. Въ посвятельномъ адресѣ государю, онъ доказываетъ превосходство магометанскаго ученія и увѣряетъ, что все непонятное въ памятникахъ, завѣщанныхъ глубокою древностію въ Китаѣ, можно объяснить только съ помощію алкорана. Юсуфъ тѣмъ не ограничился; считая себя Сеидомъ, онъ составилъ другой адресъ государю, съ просьбою пожаловать ему какойнибудь почетный титулъ, въ родѣ тѣхъ, какіе даются потомкамъ Конфуція. Онъ доказываетъ свое происхожденіе отъ Адама въ 95-мъ, а отъ Магомета, въ прямой линіи, въ 45

колѣнѣ. Ни та, ни другая попытка его выхлопотать титулъ и представить книгу государю, не удалась ему, и онъ, какъ самъ рассказываетъ, удалился изъ Пекина, обливаясь горькими слезами.

Замѣчательны сочиненія другаго магометанскаго писателя, *Люцзъ ляня* (въ началѣ XVIII вѣка). Онъ составилъ между прочимъ: пространное жизнеописаніе Магомета (съ предисловіями и прибавленіями, болѣе 1300 страницъ), постановленія магометанскія (500 страницъ), и изложеніе магометанской философіи (200 страницъ). Это самый извѣстный и болѣе всѣхъ уважаемый китайскими Магометанами писатель; они называютъ его апостоломъ вѣры. Вотъ какъ онъ самъ отзывается о себѣ: «Въ восемь лѣтъ я прочелъ все конфуціанскія книги; въ шесть затѣмъ лѣтъ, прочелъ магометанскія книги; потомъ, въ три года, буддійскія; въ годъ даосскія; кромѣ того, прочелъ 137 книгъ Европейцевъ (на китайскомъ языкѣ?); путешествовалъ по Китаю, посѣщая бібліотеки и отыскивая нашихъ книгъ; и много терпѣлъ отъ родныхъ за свои исключительныя и бесплодныя, въ матеріальномъ отношеніи, занятія.» Произведенія *Люцзъ ляня* суть самыя отчетливыя: китайскій Магометанинъ находитъ въ нихъ ясное изложеніе догматическаго и обрядоваго ученія.

Опуская нѣсколько другихъ сочиненій, я упомяну еще о произведеніи *Цзинъ бэй гао*, который занималъ въ Пекинѣ должность переводчика (въ первой половинѣ XVIII вѣка). Небольшое сочиненіе его: «Объ истинномъ значеніи магометан-

ской религіи» есть апологія Магометанства передъ китайскимъ народомъ, въ которой авторъ довольно успѣшно отражаетъ насмѣшки и укоры, которымъ подвергаются Магометане въ Китаѣ; тонъ его замѣчательнъ спокойствіемъ и умѣренностію.

Народъ, который отстоялъ своеобразныя начала жизни и религіи и показалъ опыты умственного труда въ такой средѣ, въ которой поглощены и исчезли не одно племя и не одинъ народъ съ ихъ національнію и вѣрою, заслуживалъ бы болѣе точныхъ статистическихъ свѣдѣній, чѣмъ тѣ, которыми мы владѣемъ. Любопытно было бы знать численность магометанскаго населенія въ Китаѣ; но въ этомъ отношеніи невозможно сдѣлать и приблизительныхъ расчетовъ; мнѣ кажется только, что принимая въ соображеніе значительное число магометанскихъ семействъ въ нѣкоторыхъ городахъ, согласно оффиціальнымъ даннымъ, и прилагая его, въ уменьшенныхъ размѣрахъ, къ другимъ мѣстностямъ, населеннымъ Магометанами, можно предположить общее число Магометанъ въ Китаѣ между тремя и четырьмя милліонами душъ. Эта цифра составитъ немаловажное приращеніе къ мусульманскому міру, — приращеніе въ людяхъ, болѣе или менѣе развитыхъ, промышленныхъ и предприимчивыхъ.

Магометане, главнымъ образомъ, населяютъ сѣверную и сѣверо-западную часть Китая. Земледѣіемъ они почти вовсе не занимаются; въ ихъ рукахъ находится вся торговля съ Монголіей рогатымъ скотомъ и лошадьми, и мелочная распродажа ихъ; въ *Шанъ си* они разводятъ опиумъ, для внутрення-

го потребленія; другіе занимаются промышленностію средней руки. Они также владѣли монополіей торговли ревенемъ въ Кяхтѣ. Богатыхъ домовъ, какъ фирмы китайскихъ компаній, по крайней мѣрѣ въ сѣверномъ Китаѣ, между ними нѣтъ; за то положительно можно сказать, что между ними нѣтъ ни одного безъ какого нибудь промысла. Они обыкновенно живутъ въ городахъ, отдѣльными общинами, или кварталами, при мечетяхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуютъ цѣлыя деревни. Продовольствіе они получаютъ отъ своихъ единовѣрцевъ и тщательно берегутъ себя отъ оскверненія въ пищѣ и питьѣ при сношеніяхъ съ Китайцами; послѣдніе рѣдко посѣщаютъ ихъ общины, а мечети никогда.

Исповѣданіе китайскихъ Магометанъ есть суннитское. Говорятъ, что между ними есть и Шиты; но ни лично, ни изъ распросовъ, ни въ ихъ книгахъ, которыхъ у меня было болѣе 30, я не могъ въ томъ удостовѣриться. Они держатся ханифайтскаго толка. Ханифа, по времени, есть старшій изъ четырехъ суннитскихъ докторовъ. Если вѣрно, что въ затруднительныхъ случаяхъ, когда нельзя найти рѣшенія сомнѣній ни въ алкоранѣ, ни къ Суннѣ (писанномъ законѣ), ни въ хадисѣ (устномъ законопреданіи), Ханифа придаетъ личнымъ соображеніямъ болѣе значенія, чѣмъ другіе три авторитета, то эта черта магометанской казуистики очень умѣстна въ Китаѣ, гдѣ при условномъ положеніи Магометанъ, часто представляются поводы къ недоразумѣніямъ. Но приписываемая ханифайтскому толку ревность къ Джихаду, или войнѣ съ невѣр-

ными, не свойственна магометанскимъ подданнымъ Богдохана. Конечно тонкости толковъ доступны только духовнымъ руководителямъ Магометанъ, Ахунамъ и Имамамъ; простой народъ исполняетъ только одну особенность ханифайтскаго толка, именно, не омовеніе, а обливаніе предъ молитвою. Иногда мелкія различія въ обрядахъ, по обычаямъ четырехъ толковъ, производятъ между здѣшними Магометанами довольно важныя несогласія. Такъ, въ прошедшемъ столѣтіи, еще до возстанія Саларцевъ, изъ за способа чтенія алкорана, въ нѣдрѣ китайскаго Мусульманина возникли споры о лунномъ счисленіи, о земномъ поклонѣ послѣ поклоненія *Уйтара*, о сниманіи туфлей при нѣкоторыхъ обрядахъ, и т. п. вопросахъ, приобрѣтшихъ въ то время большую гласность. Болѣе всего надѣлало шума нововведеніе, состоявшее въ томъ, что нѣкоторые, при обязательномъ воззваніи: Нѣтъ Бога, кромѣ Бога (*лаиллахъ ил'аллахъ*), стали поднимать вверхъ указательный палецъ, вѣроятно, въ знаменіе единства Божія (при словѣ *лаиллахъ* поднимали, при *ил'аллахъ* опускали палецъ); другіе, вмѣсто одного поднимали три пальца. Начались пренія и образовались партіи, сторонники которыхъ вступали въ явную вражду между собою и не посѣщали мечетей, одна у другой партіи. Борьба не имѣла бы миролюбиваго исхода, если бы, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ даннымъ, не явился ахунъ изъ Бухары, слѣдственно высокій авторитетъ, который порѣшилъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что при воззваніи не слѣдуетъ поднимать

пальцевъ; по справкѣ оказалось, что этотъ обычай существовалъ у послѣдователей толка Шафира, а не Абуханифы.

Мечети называются по китайски *Ли байсы*, мѣстомъ поклоненій: онѣ строятся съ востока на западъ, по направленію къ Меккѣ; минарета при нихъ не бываетъ; вмѣсто него устрояется возвышенный павильонъ, подъ именемъ луннаго, для наблюденія новой луны; вмѣсто турецкой луны, на верху мечетей обыкновенно водружается позолоченный шаръ. При мечетяхъ, особенное мѣсто назначено для училища, которое въ праздничные дни, за неимѣніемъ другихъ помѣщеній, служитъ обливальною; поэтому оно бываетъ заставлено рядами мѣдныхъ чайниковъ съ водою. Мечеть обыкновенно служитъ мѣстопребываніемъ имама и ахуна. Имамъ, первостоятель въ общественныхъ молитвахъ, поступаетъ въ это званіе изъ мѣстныхъ прихожанъ и отвѣчаетъ предъ полиціей за порядокъ въ мечети. Ахунъ тоже что мулла, избирается и посвящается изъ Мусульманъ, болѣе или менѣе ученыхъ и часто приглашается общиной издалека. При монгольской династіи, они назывались *Ташима-нами*; во времена династіи *Мингъ* было извѣстно названіе муллы (*Манъ ла*), а нынѣ у Магометанъ и у Китайцевъ воспробладало персидское наименованіе ахунъ (*Ахундъ*), вѣроятно по численному превосходству Магометанъ персидскаго происхожденія.

Въ Пекинѣ считается 13 мечетей; мнѣ случалось быть въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и познакомиться съ ахунами и имамами. Въ первый разъ, какъ я посѣтилъ одну мечеть, меня

ввели въ небольшую опрятную комнату, гдѣ сидѣлъ на кану, на тигровой кожѣ, поджавъ ноги, молодой Ахунъ, пріятной наружности, съ небольшою бѣлой чалмой на головѣ; при немъ былъ мальчикъ сынъ, котораго онъ училъ арабской грамотѣ. Узнавъ, что я изъ дальней западной стороны, онъ съ живымъ любопытствомъ спрашивалъ о судьбѣ *Руми*, изъ котораго, по его словамъ, вышли его предки; однако онъ не могъ взять въ толкъ перемѣнъ, происшедшихъ въ западной Азіи. Онъ выразилъ чрезвычайную симпатію къ Русскимъ, когда узналъ, что у насъ Магометане пользуются совершенною свободою въ роисповѣданіи. Въ первое ко мнѣ посѣщеніе, ахунъ, желая показать мнѣ свое знакомство съ христіанствомъ, разомъ высказалъ мнѣ всѣ магометанскія бредни о лицѣ Иисуса Христа и о христіанской вѣрѣ. Христіанъ онъ, какъ и всѣ грамотные Магометане, называлъ, по книжному, *Тарса*, о Иисуса Христа *Эррса*. Вообще, въ частныхъ сношеніяхъ съ иностранцами, Магометане любезны и привѣтливы; за то въ сочиненіяхъ своихъ являются противниками Христіанства.

Въ другой мечети, я встрѣтилъ такой же ласковый приемъ. Ахунъ ввелъ меня въ мечеть, китайской архитектуры, но съ поперечными перегородками внутри, въ которыхъ устроены деревянные пидастры; посреди храма висѣла европейская люстра; въ сѣверозападной части возвышалась каедрa; въ глубинѣ храма, на западѣ, полукруглое святилище отгорожено было низкой балюстрадой. Ахунъ безъ церемоніи отодвинулъ ее ногой, чтобы ввести меня въ пустое святилище; оно ни

чѣмъ особымъ не отличалось, кромѣ того, что стѣны его были испещрены арабскими надписями (изрѣченіями изъ корана), вырѣзанными изъ золоченой бумаги и наклеенными на стѣнѣ; впрочемъ такія надписи видѣлись и въ другихъ мѣстахъ, по стѣнамъ мечети. Въ притворѣ мечети, на востокѣ, стоялъ столъ, со дщицею, на которой вырѣзана была обычная надпись многолѣтія царствующему императору; передъ дщицею стояла жаровня съ потухшими курительными свѣчами. Ахунъ увѣрялъ меня, что это чествованіе особы иновѣрнаго государя въ домѣ молитвы, обязательное для всѣхъ большихъ кумиренъ и монастырей въ Китаѣ, не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго, и замѣтилъ при томъ, что въ Хотѣ онъ упоминаетъ и о Богдоханѣ.

Ахунъ зналъ по арабски и по персидски; тотъ и другой языкъ изучаются въ мечетяхъ совмѣстно; но произношеніе уже испорчено; живя въ Китаѣ, Магометане отвыкли произносить *p* и гортанные звуки арабскіе, и замѣнили первое звукомъ *л*, а послѣдніе звукомъ *х*. Ахунъ показалъ мнѣ нѣсколько фолиантовъ, писанныхъ на этихъ языкахъ. Надобно полагать, что въ мечетяхъ, разсѣянныхъ по Китаю и въ частныхъ библиотекахъ Магометанъ, хранится значительное собраніе оригинальныхъ арабскихъ и персидскихъ твореній, принесенныхъ въ Китай съ XIII вѣка, т. е. со времени монгольскаго періода. Магометанскій писатель *Лю цзъ лянъ*, составляя книги свои о постановленіяхъ и философіи Магометанъ, руководствовался 67-ю оригиналами разнаго содержанія, которые онъ по-

имянно пересчитываетъ въ началѣ своихъ сочиненій, причѣмъ замѣчаетъ съ сожалѣніемъ, что многое еще потеряно и погбло въ бѣдственное время, при паденіи минской и воцареніи маньчжурской династіи. Переведены на китайскій языкъ съ арабскаго и персидскаго языка немногія сочиненія, большею частію нравственнаго или обрядоваго содержанія. Въ числѣ книгъ, хранящихся въ посѣщенныхъ мною мечетяхъ, я не нашелъ ни одной, писанной турецкимъ или татарскимъ языкомъ, и не встрѣчалъ ни одного ахуна, который имѣлъ бы понятіе объ этихъ нарѣчіяхъ. Здѣшніе Магометане называютъ алкоранъ *фургани* (ел-фурканъ—различеніе, т. е. дозволеннаго и недозволеннаго, и т. п.). Ахуны тщательно списываютъ его и распредѣляютъ въ 30 тетрадей; переводить текстъ его на китайскій языкъ считаютъ недозволеннымъ, исключая ссылокъ на него въ книгахъ. Изрѣченія изъ корана, безъ числа украшаютъ стѣны магометанскихъ жилищъ и вырѣзываются на камняхъ. Въ жилищахъ ахуновъ я замѣчалъ карты Мекки и Медины, съ проведеніемъ пути отъ Китая до Аравіи, и съ означеніемъ небывалыхъ памятниковъ въ священной странѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ пилигримство сдѣлалось слишкомъ затруднительнымъ, ахуны установили, что оно возмѣщается постояннымъ посѣщеніемъ мечети и годовою жертвою Гурбанъ. На стѣнахъ въ магометанскихъ жилищахъ я видѣлъ также печатное, въ видѣ объявленія, описаніе наружныхъ красотъ Магомета, по арабски, съ китайскимъ переводомъ; въ немъ заводится, что кто, по этому описанію, будетъ постоянно пред-

ставлять себѣ ликъ пророка, тотъ избавится многихъ бѣдствій; это явное подражаніе суевѣрнымъ и лживымъ вырѣскамъ Буддистовъ и Даосовъ.

Ахуны участвуютъ въ главныхъ семейныхъ событіяхъ благословеніемъ и молитвами. По рожденіи младенца, на третій день приглашаютъ ахуна, который съ молитвою дуетъ на новорожденнаго три раза и даетъ ему мусульманское имя. Онъ есть главное лицо при совершеніи брачныхъ договоровъ, равно совершаетъ отпѣваніе умершихъ. Ахунъ самъ посвящаетъ другаго въ санъ ахуна. Разъ я былъ свидѣтелемъ благословенія, даннаго однимъ ахуномъ вновь поставленному въ это званіе ученику его; послѣдній сталъ передъ старшимъ на колѣна и учитель прочелъ что-то по арабски, перекрестивъ свои руки съ руками новопосвященнаго; лѣвыми руками они поддерживали локти правыхъ рукъ одинъ у другаго, и взялись кистями правыхъ рукъ въ уровень съ лицомъ; этотъ способъ пріивѣтствія употребляется китайскими Магометанами и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ.

Китайскіе Магометане, пребывая нѣсколько столѣтій въ Поднебесной имперіи, незамѣтно подчинились ея вліянію въ тѣхъ обычаяхъ, которые собственно не имѣютъ религіознаго значенія. Браки ихъ обставлены китайскими церемоніями. Въ брачные союзы они вступаютъ только съ своими единоверцами; но въ крайности они берутъ побочныхъ женъ изъ Китаянокъ; этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, надобно объяснять измѣненіе типа лицъ у китайскихъ Магоме-

тань въ полукитайскій. При погребеніяхъ у нихъ наблюдаются нѣкоторая помпа, но безъ музыки, употребляющейя при китайскихъ похоронахъ; вмѣсто того передъ гробомъ несутъ нѣсколько вурильницъ, съ возженными благовоніями. Для покойниковъ они не готовятъ гробовъ, а пользуются, на время, готовыми, которые обыкновенно стоятъ въ мечети, и въ которыхъ доносятъ покойниковъ до могилы. Тѣло умершаго обертывается простынею со слоемъ камфоры и другихъ ароматовъ; его кладутъ, или лучше сказать, усаживаютъ въ особой пещеркѣ, вырытой въ глубинѣ могилы, въ боку лицомъ на западъ.

Магометанскіе мужчины и женщины усвоили китайскій костюмъ; послѣднія переняли у Китайнокъ обычай связывать свои ноги съ малолѣтства. Ахуны и имамы также носятъ китайское платье, съ тѣмъ различіемъ, что не надѣваютъ сапоговъ, а ходятъ въ башмакахъ, которые снимаютъ съ ногъ, при вступленіи въ мечеть для молитвы, при чемъ обертываютъ голову небольшимъ кускомъ бѣлаго холста. Женщины не ходятъ въ мечети для молитвы, исключая дней поста.

Ахуны строго наблюдаютъ счетъ лунныхъ годовъ и мѣсяцевъ, начиная счисленіе годовъ отъ Геджры, которую они переводятъ переселеніемъ, а иногда перенесеніемъ столицы Магомета изъ Мекки въ Медину. Каждый годъ издается, на желтомъ листѣ, календарь, съ показаніемъ магометанскихъ праздниковъ, соотвѣтственно китайскимъ мѣсяцамъ и числамъ. У нихъ нѣтъ вставочной луны, какъ у Китайцевъ, потому на-

чало новаго года, или какъ они называютъ, конецъ поста ихъ, проходитъ постепенно по всѣмъ мѣсяцамъ китайскаго года.

Китайскіе Магометане не считаютъ предосудительнымъ состоять на службѣ у китайскаго правительства, большею частію въ качествѣ незначительныхъ мандариновъ, что не обязываетъ ихъ къ исполненію обычаевъ, противныхъ ихъ вѣрѣ, какъ-то жертвамъ духамъ, поклоненію тѣнямъ знаменитыхъ мужей и т. п. Впрочемъ есть примѣры, что Магометане занимали и занимаютъ высшія мѣста. Губернаторъ губерніи *Чжэ-изянъ*, *Ма синъи*, Магометанинъ, и единовѣрцы нисколько не считаютъ его, за то, ренегатомъ. Нѣкогда они долгое время засѣдали въ пекинскомъ астрономическомъ трибуналѣ и пользовались вниманіемъ Двора, до тѣхъ поръ, пока ученые Іезуиты не смѣнили ихъ въ этомъ званіи.

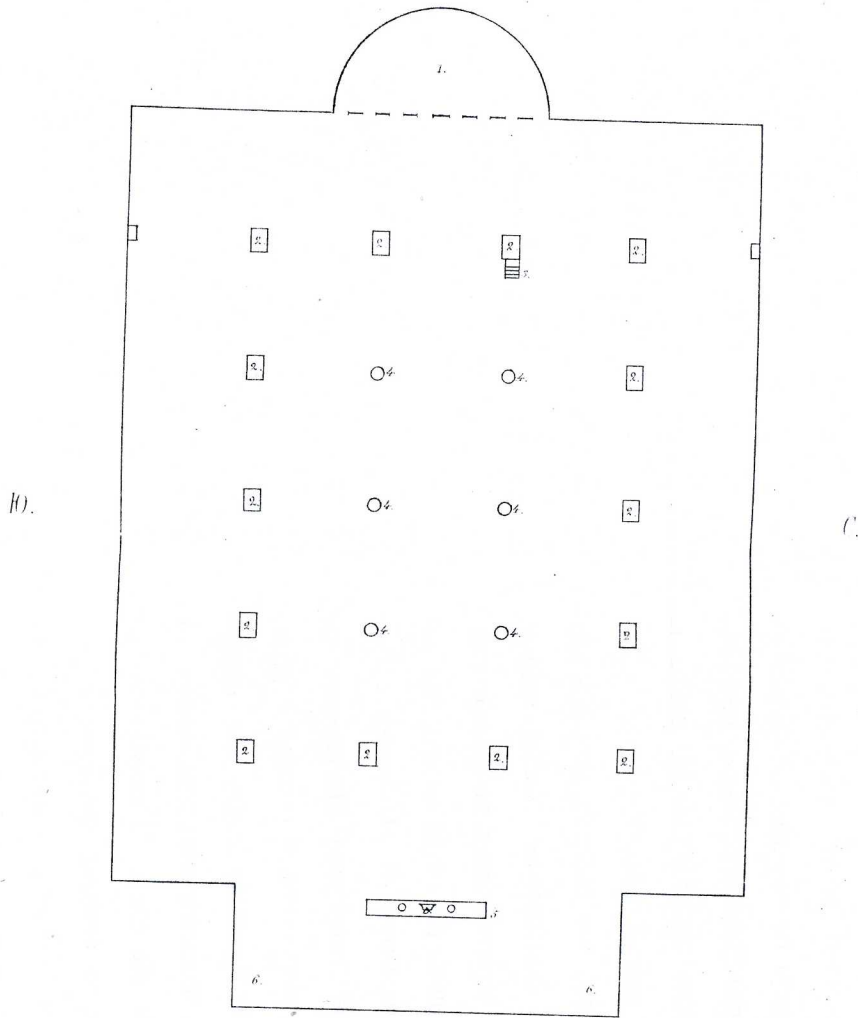
Запрещеніе вина у китайскихъ Магометанъ также строго, какъ и въ другихъ мусульманскихъ странахъ, но также не всегда соблюдается. Странно, что они подвергаютъ запрещенію и табакъ, тогда какъ Персіане и Турки не могутъ обойтись безъ вальяна и трубки. Юсуфъ, о которомъ я уже говорилъ, замѣчаетъ въ своемъ сочиненіи, что табакъ есть произрастеніе египетское; Магометъ, разъ увидѣвъ его, покачалъ головою; а этого было достаточно, чтобы положить на табакъ запретъ. Знакомый мнѣ ахунъ объяснялъ вопросъ нѣсколько иначе; онъ увѣрялъ, что Магометъ запретилъ употребленіе хапиша слѣдовательно и табаку, который по своему дѣйствию походитъ на это зелье.

Сдѣлаю еще замѣтку объ уваженіи, какое оказываютъ здѣшніе ахуны и имамы къ желтому цвѣту. Говорилъ мнѣ объ этомъ одинъ имамъ, добродушный старикъ лѣтъ 70-ти; причѣмъ прибавилъ, что единственная печаль его въ преклонныхъ лѣтахъ была о томъ, что онъ нигдѣ не могъ добыть желтаго сафьяна для туфлей, что придадо бы ему видъ совершеннаго Мусульманина священной родины Магомета. Имамъ предпочиталъ желтый сафьянъ китайскимъ тканямъ того же цвѣта, не только потому, что послѣднія готовятся руками идолопоклонниковъ, но также и потому, что сафьянъ, какъ онъ слышалъ, есть издѣліе Магометанъ (казанскихъ). Хилый старикъ рассказалъ мнѣ также о своихъ путешествіяхъ по Китаю; между прочимъ, былъ онъ въ Маньчжуріи, куда ходилъ для назиданія и совершенія молитвъ для ссыльных Магометанъ. Примѣры подобныхъ странствованій китайскихъ Магометанъ не рѣдки; ахуны и грамотѣи ихъ переходятъ изъ одной общины въ другую, учащаютъ взаимныя сношенія между ихъ единоувѣрцами, переносятъ вѣсти и поддерживаютъ единомысліе во всемъ магометанскомъ населеніи. Ни одинъ Магометанинъ не лишается приѣма и вспоможенія въ первомъ попавшемся магометанскомъ селеніи, или домѣ; заповѣдь о милостыни, по отношенію къ ихъ единоувѣрцамъ исполняется, въ полномъ размѣрѣ; оттого писатели ихъ печатно вызываютъ Китайцевъ найти между Магометанами хоть одного бѣднаго человѣка.

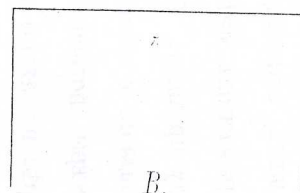

ПЛАНЪ ОДНОЙ ИЗЪ ПЕКИНСКИХЪ МЕЧЕТЕЙ

3.

1. Святилище
2. Пиластры
3. Каведры
4. Столбы
5. Жертвенный столъ
въ честь Императора.
6. Притворъ.
7. Луный Павильонъ.

B.